

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрона
«Воспроизводство: элементы теории системы
образования» / Серия «Образование: мировой бестселлер» /
пер. с фр. Н. А. Шматко. –
М.: Просвещение, 2007.

В. А. Герасимова, методист

Book review of P. Bourdieu and J.-C. Passeron's
«Reproduction: Elements of the Theory of the System of
Education» / Series «Education: International Bestseller» /
trans. by N. A. Schmatko. – Moscow: Prosveshchenye, 2007.

V. Herasimova, Resource Specialist

В 1970 г. в Париже вышла в свет книга П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрона «*Воспроизводство: элементы теории системы образования*» («*Reproduction: éléments pour une théorie du système d'enseignement*»). В 2007 г. она переведена Н. А. Шматко на русский язык для публикации в серии «Образование: мировой бестселлер».

Данная книга представляет собой анализ системы образования, можно говорить о том, что в ней построена сама система образования. Это одна из самых ранних работ Бурдьё, посвященных теме, которая после студенческих волнений в мае-июне 1968 года буквально витала в воздухе: бунт студентов против профессуры, против системы ценностей, отношений в университете, против академической системы в целом. Интерес к полю образования Бурдьё сохранил на протяжении всей жизни, у него вышло еще несколько работ и ряд статей, посвященных проблематике образования: «Наследники» (1964), «Воспроизводство» (1970), «Homo academicus» (1984), «La Noblesse d'État. Grandes écoles et esprit de corps» (1989) и др.

В своей научной деятельности П. Бурдьё исследовал различные социальные практики (поле науки, журналистики, религии, литературы, экономики и др.), однако множество размышлений Бурдьё произведены на основе его наблюдений, интервенций в поле образования. Это поле всегда пряталось от взора исследователей, скрытое завесой тайн, традиций, кажущейся очевидности, естественности, оно является одним из самых традиционных, стабильных, само собой разумеющихся и как бы само бросает вызов Бурдьё-социологу.

П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрон попытались ответить на вопросы о том, как устроено образование, какие задачи в обществе оно решает, чьим интересам служит и чьи интересы выражает. Они отвечают

на все эти вопросы, создавая теорию системы образования, основными звеньями которой служат такие понятия, как символическое насилие, педагогический авторитет, педагогическая коммуникация, система образования, школьный авторитет.

П. Бурдьё обнаруживает, что педагогическое отношение не сводится к простому обмену информацией между преподавателем и студентом. Речь идет о том, что в процессе образования происходит не просто передача знаний от учителя к ученику, но есть пласт отношений, не вполне осознанных ни студентами, ни преподавателями, ни администрацией, основанных на неявных, непроговоренных допущениях. Такого рода непроговоренность он называет *бессознательным* школы, которое представляет собой некоторые практические структуры, определяющие структуру, функционирование образования, социальные условия педагогической практики. В той форме, в которой данная непроговоренность реализуется сегодня, она становится возможной благодаря действию конкретных практических структур, борьба за определение которых ведется в поле образования постоянно. Любая практика базируется на системе негласных основополагающих принципов. Бурдьё ставит задачу не просто «опубликовать», отрефлексировать их, сделать явными, но и (как, например, в работе «Наука о науке») объективировать автора, который эту реконструкцию производит – объективация объективации. Собственно термин «рефлексивность» редко встречается в работах Бурдьё, но при этом является ядром, смысловым центром, лейтмотивом его творчества. Рефлексивность Бурдьё «не сводима к размышлению над собой некоторого „мыслящего я“, мыслящего объект... Это образ, возвращенный познающему субъекту другими познающими субъектами, вооруженными инструментами анализа...» [1, с. 182].

Рассматриваемая нами работа состоит из двух, казалось бы отдельных, книг: «Основы теории символического насилия» и «Поддержание порядка». Первая из них представляет собой систему аксиоматики, описывающей происходящее в образовании. Если «Наследники» и «*Homo academicus*» являют собой по сути эмпирическое изучение поля образования (какие силы борются за влияние в нем, кем являются студенты и преподаватели, какого рода цели они преследуют?), то «Воспроизводство» представляет скорее теоретическую работу, в которой начинает формироваться язык описания образования.

Теория – систематизация знания, схема, обладающая предсказательной силой в отношении какого-либо явления. «Любое научное знание, в котором факты и моделирующие представления или гипотезы связаны в некоторую целостность, то есть такое научное знание, „в котором факты подводятся под общие законы, а связи между ними выводятся из последних“ (Фриз)» [2, с. 439]. В этом смысле, на наш взгляд, Бурдые и Пассрон создают эту схему, матрицу описания феноменов образования. Первая книга написана действительно сухим языком аксиом, определений и комментариев к ним. Она разделена на 4 части: о двойном произволе педагогического воздействия, педагогическом авторитете, педагогическом труде, системе образования. Впечатляет абстрактный и отвлеченный язык изложения: четкие формулировки, нумерация каждой аксиомы. Авторы используют формальный, стандартизованный язык, стилизованный под язык естественных наук, кажущийся универсальным и способным описать самого разного рода феномены образования. Он действительно универсален, подходит для описания происходящего и во Франции, и в России, и в США, и в Беларуси, с его помощью можно рассматривать, интерпретировать, понимать любые отношения, в которые вступают учитель и ученик.

Образование является для Бурдые и Пассрона по определению символическим насилием, которое каждое сообщество, каждый класс реализует в отношении своих членов, для собственного воспроизводства и контроля. «Положение 1. Всякое педагогическое воздействие (ПВ) объективно является символическим насилием, поскольку своей произвольной властью навязывает культурный произвол» [3, с. 23]. Постепенно, рассматривая систему понятий описания образования и связи между ними, выстраивается система аксиом, составляющая теорию образования, дающая представление о том, как оно устроено, функционирует.

Таким образом, Бурдые и Пассрон пытаются определить основания образовательной практики,

отвечая на собственный вопрос, формулируемый ими в нулевом положении: «Всякая власть символического насилия, то есть всякая власть, которой удастся навязать значения и заставить признать их легитимными, скрывая силовые отношения, лежащие в ее основании, добавляет свою собственную, т. е. чисто символическую, силу к этим силовым отношениям» [3, с. 22]. Мы видим, что каждая практика содержит нечто, что не должно быть доступно всеобщему вниманию, некоторые негласные принципы, позволяющие ей создавать иллюзию естественности, натуральности. Речь идет не о том, чтобы раскрывая эту «подводную часть айсберга», его разрушить, но изучить его, изучив его природу. Именно это делают авторы, предлагая свою теорию образования. Это ответ на вопрос о том, что происходит.

Вторая книга – «Поддержание порядка» – обсуждает не столько теоретические вопросы устройства образования, сколько практические, где показывается, как собственно функционируют в реальности те системы, которые были представлены в первой части. «Данное исследование, – пишут авторы, – родилось из желания проанализировать педагогическое отношение как простое отношение коммуникации и измерить его продуктивность, а точнее говоря, определить социальные и учебные факторы успешности педагогической коммуникации с помощью анализа показателей ее эффективности в зависимости от социальных и учебных характеристик получателей сообщения» [3, с. 78]. В качестве основных предпосылок успешности образовательного процесса авторы рассматривают наличие культурного капитала (семейного) и языкового, которые, в свою очередь, определяют неравенство отбора, неравенство шансов, что приводит к практическому воспроизводству и поддержанию социального неравенства, а также рассматривают вопросы, связанные с культурным капиталом и педагогической коммуникацией, ученой традицией и авторитетом языка, с исключением и отбором, идеологической функцией системы образования.

В целом книга является интересной попыткой заговорить об образовании и его устройстве. Для нашей страны это замечательная возможность познакомиться с данной проблематикой, ведь у нас образование как таковое – как практическое действие – почти не обсуждается, за исключением частных вопросов, связанных с методикой преподавания конкретных дисциплин, с организацией коммуникации между учителем и учеником. Это попытка вскрыть то, как устроено образование, как устроено общество, как они связаны друг с другом. П. Бурдые заговорил об образовании как символическом насилии, как инструменте общества для

самосохранения и воспроизводства, проделав при этом корректный социологический анализ.

Итак, на наш взгляд, задача Бурдые заключается в том, чтобы объективировать образование, неявное сделать явным, не обсуждаемое – обсуждаемым, закрытое – открытым, имплицитное – эксплицитным. В данном случае речь идет о научном исследовании, подчиненном определенным социальным и политическим целям. Таковой целью для Бурдые является создание максимально, насколько это возможно, демократической системы образования. Для этого он начинает рассматривать критерии отбора и отсева студентов, обсуждать вопрос о том, кому доступны специфические компетенции, которые необходимы для того, чтобы быть студентом. Образование должно быть, по мнению П. Бурдые, построено не таким образом, чтобы через школьный вердикт закрывать определенные возможности человека, а наоборот – чтобы их открывать. П. Бурдые и Ж.-К. Пассрон поднимают тему о том, что образование способствует и воспроизводит социальное неравенство, но в то же время указывают, что именно образование может компенсировать (педагогическим образом) неблагоприятные обстоятельства. Из работы можно извлечь некоторые рекомендации для формирования образовательной политики, политики реформирования образования в сторону его «демократизации»; например, авторы пишут о политике (педагогике) культурного и языкового подтягивания детей из семей, наиболее обделенных в экономическом и культурном отношении, с помощью педагогики, а не с помощью авторитарно установленных квот, как это было принято тогда в социалистических странах [3, с. 237]. Они указывают, что образование функционирует как классовая структура, стремящаяся воспроизводить классовую структуру общества, и рефлексия образования поможет образованию «освободиться» от социального давления, которое на него оказывается, становясь не служанкой определенных классовых интересов, но средством размывания классовой структуры общества. Авторам кажется необходимым переопределить образование: не как средство легитимизации результатов социальной селекции, но как средство развития и демократизации сообщества. И в этом смысле Бурдые с Пассроном интересуются условиями развития и сохранения демократического общества. Образование рассматривается ими как инструмент формирования и сохранения определенного типа сообщества. Однако для этого образование должно стать эксплицитным, ведь рефлексивность – то средство, которое П. Бурдые рекомендовал для «преодоления, хотя бы частичного, социального давления» [4, с. 25].

Публичная коммуникация, или публичная дискуссия является тем преимущественным средством, которое позволит рефлексивность осуществить практически, объективировать объективирующего. Ведь именно на это направлена коммуникация: на обсуждение позиций, прояснение, критику, дискуссию; у каждого говорящего появляется возможность посмотреть на себя со стороны как на рассказчика истории; благодаря коммуникации может измениться угол зрения, уровень рассмотрения. Первый шаг в сторону подобного диалога осуществляется авторами книги, для этого они «создают» систему образования, не постулируя жестко природу педагогического взаимодействия, но делая педагогическое действие предметом обсуждения и общественного интереса.

Кому могла бы быть интересна и полезна данная книга? Например, «2.1.2.2. В силу того, что всякое действительное ПВ¹ по определению обладает ПА², отправители педагогического сообщения (эмитенты) с самого начала признаются заслуживающими права передавать то, что они передают, а следовательно, имеют разрешение на навязывание определенной рецепции и на контроль за внушением при помощи социально одобряемых или гарантированных санкций» [3, с. 36]. Здесь речь идет о том, что преподаватель имеет изначально кредит доверия, он по статусу имеет право передавать определенные сообщения и контролировать их прием. Однако все могут вспомнить конкретные ситуации, когда изначально педагогического авторитета вроде и не было, представляется, что его необходимо каким-то образом заслужить, заработать. Речь идет о достаточно специфическом описании, выстраиваемом авторами, достаточно абстрактном, так что, например, даже не всегда можно соотносить написанное с собственным педагогическим опытом, с происходящим на конкретном учебном занятии, то есть становится непонятным адресат данной книги – исследователь, интересующийся проблемами образования? Преподаватель-практик? Студент? Родитель? Чиновник, определяющий политику образования? Социолог, интересующийся устройством общества? Возможно, ответ на этот вопрос им всем – как людям, живущим в определенном сообществе и обсуждающим образование, его цели и задачи, – не кажется очевидным.

Тем не менее, рассматриваемая нами работа становится одной из самых цитируемых, когда обсуждается устройство образования; она стала частью культурного капитала поля исследования образования, той точкой, относительно которой для исследователей стало необходимым выстраивать отношение.

¹ Педагогическое воздействие.

² Педагогический авторитет.

Тем не менее, Бурдьё и Пассрон используют научный, профессиональный язык, доступный лишь определенной части потенциальной читательской аудитории. Для Бурдьё использование научного языка всегда было тем естественным барьером, который позволит книге избежать профанации и сохранить свою принадлежность научному полю. Поэтому читать Бурдьё, даже на французском языке, не всегда бывает легко из-за обилия специфической лексики, сложной структуры предложений, иногда настолько распространенных, что становится проблематично удержать основную мысль. Нельзя сказать, что работа переводчика в данном случае значительно облегчила работу читателя. Переводчик сохранил структуру предложений, текст максимально близок оригиналу и стилистически, и синтаксически, хотя переводчиком сделан ряд примечаний, вводящих читателя в контекст французской системы образования. Ведь даже если теория Бурдьё и Пассрона универсальна, тем не менее, авторами она создается как попытка описания и обсуждения собственной, французской ситуации образования.

На наш взгляд, такого рода работа призвана привлекать внимание к различным социальным

практикам (в данном случае – к образованию), помещать их в публичную коммуникацию, обсуждать, вскрывать их допущения и таким образом их корректировать, влиять на них. Имплицитность для Бурдьё – неизученность, невозможность управлять происходящим. Исследования социальных практик необходимы, ибо именно они, с точки зрения Бурдьё, прежде всего влияют на жизнь человека, на его включенность в общественные процессы. И рассматриваемая нами книга вносит существенный вклад в изучение природы образовательного процесса.

Список цитированных источников

1. *Bourdieu, P.* Science de la science et réflexivité. Cours du Collège de France 2000–2001 / P. Bourdieu. – Paris: Raisons d’agir, 2001.
2. Философский словарь: основан Г. Шмидтом / Пер. с нем М. М. Беляева и др. – М.: Республика, 2003.
3. *Бурдьё, П.* Воспроизводство: элементы теории системы образования / П. Бурдьё, Ж.-К. Пассрон; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Просвещение, 2007.
4. *Бурдьё, П.* За рационалистический историзм / П. Бурдьё; пер. с фр. Н. А. Шматко // Социо-Логос постмодернизма’97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996.